

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГОД ИЗДАНИЯ
XV

6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА—1966

Г. Ф. БЛАГОВА, Х. Д. ДАНИЯРОВ

ГОВОРЫ «ТЮРКОВ» УЗБЕКИСТАНА В ИХ ОТНОШЕНИЯХ К ЯЗЫКУ СТАРОУЗБЕКСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ *

Среди историков и этнографов, отчасти и лингвистов издавна ведется спор о status'e этнографической группы «тюрк» (тюрк, барлас, кал-татай, мусабазари), представители которой живут на разрозненных территориях в Самаркандской, Сурхан-Дарьинской, Сыр-Дарьинской, Кашка-Дарьинской, Андижанской, Ферганской областях Узбекистана и в Южном Таджикистане, а также о принадлежности этой группы к узбекскому народу. Точку зрения на тюрков как на исторических потомков тех племен, которые жили в Мавераннахре задолго до узбеков Шейбани-хана, высказывали в свое время Гази Алим и Б. Х. Кармышева¹; по их мнению, тюрки говорят на весьма близких друг другу говорах среднеузбекского диалекта, а этнографическая группа «тюрк» принадлежит «к единой узбекской народности»².

В подтверждение того, что этнографическая группа «тюрк» восходит к историческим потомкам населения Мавераннахра дошейбанидского периода, можно привести свидетельства информантов (Бурхон бобо, 63 года, из кишлака Шурбел), рассказывающих легенду о прибытии джизакских тюрков в Самаркандскую область из Андижана 250—300 лет тому назад (со скидкой на народную хронологию, удерживавшуюся в памяти носителей говора, это событие можно приурочить к началу XVI в., т. е. ко времени завоевания Мавераннахра Шейбани-ханом); характерно, что тюрки во всех обследованных нами районах осознают себя как пришельцев на местах их теперешнего обитания. Данные говоров тюрков ниже сопоставляются с материалами языка «Бабур-наме»³ как одного из произведений рube-

* В настоящей статье использованы отдельные положения нашего доклада, прочитанного на V региональном совещании по вопросам диалектологии тюркских языков (Баку, октябрь 1965 г.).

¹ J a z i A l i m, *Ozbek lahçalarini tasnifda bir taçriba*, Taşkent, 1936, стр. 19—21 и сл.; Б. Х. К а р м ы ш е в а, Об узбекских трудовых крестьянских песнях, сб. «Памяти М. С. Андреева», Сталинабад, 1960, стр. 76.

² Б. Х. К а р м ы ш е в а, Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков, «Сов. этнография», 1960, 1, стр. 4.

³ Отсутствие сводного критического текста этого произведения побуждает исследователей пользоваться весьма разнородными списками «Бабур-наме» и их изданиями. В наших материалах мы основываемся на выборочных текстологических сопоставлениях следующих рукописей и изданий «Бабур-наме»: в первой выборке сопоставлялись «Бабер-наме или Записки Султана Бабера», изданные в подлинном тексте Н. И. Ильминским), Казань, 1857 (далее — БН), стр. 2—70; рукопись, выполненная рукой д-ра Я. Г. Керя и хранящаяся в Рукописном отделе Ин-та народов Азии АН СССР под шифром Д 685 (далее — К), стр. 2—248; список Сенковского, хранящийся там же под шифром Д 117 (далее — С), стр. 1—33; список XIX в., хранящийся в Гос. Публичной б-ке им. Салтыкова-Щедрина под шифром Тур ис 104, стр. 1А-29А; «The Bābar-nāma», ed. by A. Beveridge, Leyden—London, 1905 (далее — BN), стр. 21—57 I; во второй выборке сопоставлялись БН стр. 231—450 и BN стр. 208 II—348 I. Результаты проведенного сопоставления оговариваются здесь только в наиболее показательных для наших целей случаях; подробное изложение их см.: Г. Ф. Б л а г о в а, К вопросу о подлинности текста «Бабур-наме» по Керовскому списку, «Краткие сообщения Ин-та народов Азии [АН СССР]», XLIV, М., 1961.

жа XV—XVI вв., выполненных на том языке, близость которого к средне-вековому андижанскому говору особо подчеркивал Бабур.

Из-за разобщенности мест проживания тюрок, их разбросанности по разрозненным и весьма отдаленным друг от друга территориям Узбекистана и Таджикистана при анализе их языковых особенностей нам пришлось ограничиться материалами говоров тюрок в основном Самаркандской области и прежде всего — говоров киплаков Усмат-тюрк (Галляаралский район; далее сокращенно — У.-т.), Курпа-тюрк (Джизакский район; сокращенно — К.-т.)⁴, Кара-тепа (Ургутский район); в меньшей мере — говора тюрок, проживающих близ Фариша в совхозе Галляарал II (I отделение, далее — Г. II), а также говора тюрок, населяющих кипшак Морьяк Ганчинского района Таджикской ССР (близ г. Уратепа) (далее — М.). К исследованию привлекались также сведения о говорах тюрок Заминского района Сыр-Дарьинской области, Чиракчинского и Шахрисабзского районов Кашка-Дарьинской области, Денауского района Сурхан-Дарьинской области.

Любопытно отметить, что сами носители изучаемых говоров считают тюрок Усмата, Курпа и Замина «одинаковыми по языку»; пенджикентские турки своим языком несколько отличаются от них, хотя и признаются близкородственными первым; наибольшие языковые отличия от первых содержатся в речи барласов (по свидетельству Умаркула Касымова, 77 лет, К.-т. и Турсуна-Пулата Набиева, 61 год, У.-т.). Некоторое представление о сходстве и различиях говоров тюрок, привлекаемых к исследованию, можно видеть из следующих параллелей:

Усмат-тюрк			
Орта балант	Калтатаи	Барлас	
эннъ «сейчас»	эндъ	эннъ	
сыйър «корова»	сыйър	ънэк	
ъл «год», ьлхъ «табун»		ъл, ьлхъ	
буээ «теленок»		буээк/ббээк	
бъээр/бъээ «мы»		(не записано)	
бэрэйтъ «он идет»/дейэйтъ «он говорит»		бэрэйтъ	
дейэъ «мы говорим»		бэрэуэ «мы идем»,	
мъннэ «этак», уннэ/ъннэ «так»		келэуэ «мы приходим»	
(по кэннэй «как», эттэй «как конь»)		кэннэ, эттэй/эттэк	
Курпа-тюрк	Галляарал II	Кара-тепа	Морияк
эннъ/эндъ	эндъ	эннъ	эннъ/эндъ
сыйър	сыйър	сыйър/ънэ	сыйър
ъл, ьлхъ	йъл, йьлхъ	ъл, ьлхъ (по йлхъ)	ьлхъ, ьлхъчъ
буээ/буээ	буээ	ббээк	буээ
бъээр	бъээр/бъээлэр	бъэ/бъээр	бъээлэр
бэрйэйтъ/бэрэйтъ	бэрйэйтъ/бэрэйтэйтър	бэрэйтъ	бэрйэйтъ
дэсдэй «как друг»	дэсдэй	кэннэ «кэннай»,	дэсдэй/дэсдэк
гэ: раманнэй «как герой»		дэсдэй	

Детальное выявление языковых взаимоотношений всех существующих говоров тюрок составит тему самостоятельного исследования. При почти полной неизученности говоров тюрок в настоящее время наиболее близкие из них — говоры киплаков Усмат-тюрк и Курпа-тюрк — ниже рассматриваются в совокупности их языковых черт.

Переходя к анализу языковых особенностей этих говоров, отметим прежде всего те их черты, которые сближают эти говоры с городскими говорами среднеузбекского диалекта. В изучаемых говорах гласных насчитывается то б — ь, э, ә, ɛ, ɔ, ɔ̄, у — в тех случаях, где произошло слияние

⁴ Пользуемся случаем выразить свою признательность У. Насирову и Х. Джуреву, любезно познакоившим нас со своими материалами по говору киплаков Курпа-тюрк и Усмат-тюрк.

переднего *о* и заднего *о* (графич. *ў*) в один звук *ö* (*бöldъ*; подобное явление отмечено в городских говорах самаркандско-бухарской подгруппы), то *7*, когда задний *о* сохраняется.

Фонема *э*, по наличию которой говор тюрок сближается с городскими говорами самаркандско-бухарской подгруппы, употребляется как в первом, так и — спорадически — во втором слоге, который может входить в состав как корневой морфемы, так и словоизменительной морфемы⁵: *бөрөпть*, *кэмэпть*, *кэнэр* (У.-т.); *укэ*, *этэглъ*, *эйгэмъэ*, *вөрөпть* (К.-т.).

Для изучаемых говоров характерно аканье в первом слоге: *этэ*, *эсть-нъзда*, *элдъда*, *арэлэп*, *эпэ*, *ашдъ*, *бэллар* (лит. *болалар*), *этэлъп кэгэн* (У.-т.), *эвэ* (лит. *амки*), *экэ*, *этэ*, *эйгэмъэ*, *этэглъ* (К.-т.), которое, однако, не проводится последовательно; ср.: *эсн* «легкий», *ххлэгэн* «желавший» (У.-т.), а в говоре Курпа-тюрок параллельно с *лэлэкъ* «мак» отмечено *лэлэкъ*. Средневековый говор, на который был ориентирован язык «Бабур-наме», скорее всего был акающим; по мнению А. М. Щербака, данных о появлении «оканья» в староузбекском языке нет⁶.

Губная гармония гласных в говорах тюрок проявляется спорадически, причем действие ее распространяется не далее второго закрытого слога, по преимуществу — корневого, например: *эту* «дрова», *эттуз* «тридцать» (К.-т.). Примечательно, что узкий губной *у* во втором закрытом аффиксальном слоге может быть факультативно представлен и после неогубленной корневой гласной — *Темур/Темир* (У.-т.) личное имя, *келур* «придет» (К.-т.); особенно часто узкий губной *у* в указанной позиции фиксируется в записи дастанов «Гör öglъ» и «Йозъ-Зэвэ», произведенной от сказителя М. Хакимова (76 лет) из кишлака Кизил джар Денауского района Сурхан-Дарьинской области: *бълмэймусэн* «не знаешь ли ты», *кърмэймусэн* «не войдешь ли ты», *қладур* «оставляет», *қойздур* «кладет», *бълмъдур* «[это] его сын», *тэлэрудур* «[это] их горы», *йэздърур* «заставляет выжимать (сок)»; в говорах тюрок Кашка-Дарьинской (особенно в кишлаке Тарагай Чиракчинского района) и Сурхан-Дарьинской областей обычны корневые и словоизменительные формы типа *сэндуг/сэннуг*, *барайнук* «пойдем-ка мы».

В языке «Бабур-наме» губная гармония, которая, по А. М. Щербаку, в этот период «предстает в неустойчивом виде»⁷, характеризуется все же значительным лексическим охватом — это касается как корневых слов (*огул*⁸, *көңүл*, *урду*, *бугу* «олень»), так и некоторых дериватов (в основном уже не воспроизводимых — *öliş* БН 39 «часть, доля», *қошун* БН 17₁₄ «войско», *отрў* БН 202₈, 206₁₁, 66₂ «напротив, навстречу», *бöliş* БН 21 «уезд, отделение племени, рода», *тўзў* БН 16 «порядок, правило», *отўк* «сапог», *ўсрўк* «пьяный», *оксўк* БН 286₄ «недостаточный», *Қутлуқ бәкім*, *йолуқ* «встретить, наткнуться»). Далеко не все аффиксы как словообразования, так и словоизменения подвергаются губной гармонии. Хотя к глагольной основе с губным вокализмом присоединяются аффиксы любого залога с губным гласным: *тутул-*, *унутул-*, *тўзул-*; *олтурғуз-*, *тўшур-*; *көрүш-*, *уруш-*; ср. также оформление основы с губным вокализмом показателями двух разных залогов: *йўкўндурул-*, *туттурул-*, *көрү-*

⁵ Аналогичное явление можно отметить в песнях тохчионских карлуков (Сары-Ассийский район Сурхан-Дарьинской области) в записи Б. Х. Кармышевой: *хари-дор булоди-ей* (Б. Х. Кармышева, Об узбекских трудовых крестьянских песнях, стр. 72).

⁶ А. М. Щербак, Грамматика староузбекского языка, М. — Л., 1962, стр. 69.

⁷ Там же, стр. 74.

⁸ При передаче примеров из «Бабур-наме» в целях большей наглядности схождения и расхождений его языка с говорами современных тюрок применяется транслитерирование (с элементами транскрибирования) на основе современной узбекской графики.

шул-, урушул-, необходимо, однако, учитывать, что соблюдение губной гармонии в этом случае имеет своей обратной стороной тенденцию к безразличному, нейтральному употреблению (т. е. к стандартизации) губных вариантов залоговых показателей при основах с негубным вокализмом (за исключением показателя взаимно-совместного залога: *чқіш-, кіріш-* БН 31₅), например: *қачур-* БН 269₄, *бақтур-* БН 31₂, *йашул-, кәйтурул-, йандурул-, қачурул-, чабтурул-, йәткурул-, кййдурул-, қаздурул-, айт(т)урул-, сіндурул-*. Подобное же соотношение в соблюдении губной гармонии и, с другой стороны, распространения губных вариантов аффиксов на основы с негубным вокализмом наблюдается при оформлении и некоторых других глагольных категорий. Ср., например, показатель причастия настоящего-будущего времени *-(а/у)р*: *йурур, болур*, но также *білур, кәлур, алур, қалур, қілур, барур, чіқарур* (но см. наряду с этим *көрәр, учар* и проч.); имя действия на *-гу* и его производные: *болғулук* БН 377₁₄, *олтур-ғудәк* БН 445₇, *қорққудәк* БН 389₁₄, *қошулғучи* БН 331₅, но также *ичкүлук* БН 17₂, *қилғулук* БН 271₁₅, *тиләғудәк* БН 283₁₅, *таніғусіз* БН 212 П₉, *алғундур* БН 216₁₃; предикативный показатель 3-го лица ед. числа *-тур*: *болубтур, тйшубтур*, но также *қилібтур, алибтур*; вопросительная частица: наряду с типом *көрдүңуз му — тута му дур* БН 240₇, *бера мудур* БН 396₁₈; показатель повелительного наклонения 3-го лица: *болсун*, но также *қилсун, кәлсунлар*; показатель прошедшего категорического времени, снабженный аффиксом 1-го лица мн. числа (материал приводится ниже). Подобное нейтральное употребление губных вариантов аффиксов само по себе может свидетельствовать о недостаточно развитой специализации губной гармонии в этот период эволюции языка.

О соблюдении губной гармонии, не связанном со стандартизацией губного варианта аффикса, можно говорить, например, в случаях присоединения к глагольной основе с губным вокализмом показателя прошедшего категорического времени + показатель 1-го лица ед. числа: *тйштум, болдум* (но ср. *қилдим, атландим*), а также показателя деепричастия *-(у/и)б*: *оқуб, болуб, буйуруб, қошуб* (но *қиліб, кәчіб, тартіб*; ср., однако, разночтения по рукописям: *чқуб* С 11, 12 и *чқіб* К 60, 76) и показателя глагольного имени *-(у/и)ш*: *уруш, көруңуз* (но *кәліш, баріш*)⁹.

Палатально-велярная гармония гласных не свойственна изучаемым говорам; что касается языка староузбекской литературы, то А. М. Щербак, например, осторожно отмечает, что «данные, позволяющие говорить о степени сохранности или устойчивости первого типа [палатально-велярной. — Г. Б.] гармонии гласных в староузбекском языке, в нашем распоряжении почти нет», и перечисляет при этом «лишь несколько [около двух десятков. — Г. Б.] случаев нарушения палатально-велярной гармонии в некоторых собственно тюркских и заимствованных словах и непостоянство ее в разного рода композитах»¹⁰. К. Броккельман, основываясь на регулярных наблюдениях над употреблением велярных *к, г* и палатальных *к, г* в кругу изучаемых им морфем, отмечает, что в языке классической литературы эти согласные в аффиксах «зачастую совпадают, между тем как оба ряда гласных выравниваются в один

⁹ Детализованные списки грамматических форм (как глагольных, так и именных), характеризующихся соблюдением губной гармонии, а также списки форм, не подвергавшихся губной гармонии, приводит А. М. Щербак (указ. соч., стр. 74—76).

¹⁰ А. М. Щербак, указ. соч., стр. 73 и сл.

нейтральный» (разрядка наша. — Г. Б.)¹¹. Вообще же он полагает, что «противопоставление обоих рядов гласных стирается... уже рано»¹². При обращении к практике передачи текстов классической литературы в транскрипции оба исследователя, однако, строго придерживаются принципов палатально-велярной гармонии гласных¹³.

В. В. Решетов, основываясь на разборе работ К. К. Юдахина и А. К. Боровкова, посвященных анализу языка старшего современника Бабура — Алишера Навои, подчеркнул, что «мнения исследователей в основном не расходятся по вопросу о принадлежности диалектной базы языка Навои к несингармоническим узбекским говорам»¹⁴, и высказал предположение, что андижанский говор «уже в эпоху Бабура не был строго сингармоническим, как и говоры некоторых других городов Ферганы, например Маргелана, но сохранял контрастирующие пары в ряду губных гласных верхнего и верхне-среднего подъема, прослеживаемые и сейчас в андижанской группе узбекских говоров»¹⁵.

Наблюдения над текстом «Бабур-наме» позволяют обнаружить отдельные явления, само существование которых налагает известные ограничения на действие палатально-велярной гармонии гласных¹⁶ (говоря далее о гармонии гласных, мы будем иметь в виду именно палатально-велярную гармонию). Для таких наблюдений в качестве наиболее подходящих выбраны грамматические показатели, причем именно такие, консонантизм которых особенно выразителен при передаче палатальности и велярности гласных. В результате в поле нашего внимания оказались аффиксы, варианты которых в соответствии с принципами сингармонизма и гармонии гласных должны иметь в своем составе или увулярные *k*, *g*, или заднеязычные *x*, *z*.

О нейтральном характере звука *i*, способного иметь «фонетический, но не сингармонический вариант»¹⁷ при сочетании с увулярными или заднеязычными согласными, могут свидетельствовать колебания в использовании мягких и твердых вариантов аффикса- *lik/-lik*, образующего имена существительные и прилагательные, ср.: *ishlik* БН 219²³ «деловой», но *atlik* БН 284⁵ «обладающий именем», *tikanlik* БН 373²⁰

¹¹ C. Brockelmann, Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasien, Lf. 1, Leiden, 1951, стр. 39.

¹² Там же, стр. 49.

¹³ К. Броккельман, транскрибируя не укладывающееся в рамки палатально-велярной гармонии гласных написание *çiqūk* «мы вышли» с ауслаутным кифом, передавал гласный аффикс не нейтральным звуком, а палатальным *i*; свою транскрипцию он сопровождал подтверждающе-удивленным восклицанием «(so!)» (указ. соч., стр. 32). Точно так же употребление одного и того же слова с *-qa* и *-ka* — вариантами показателя дат.-напр. падежа — он обозначает как колебание между двумя сингармоническими вариантами слова *dunyaqa* ~ *dünyākā* (там же, стр. 50).

¹⁴ В. В. Решетов, Узбекский язык. Ч. I, Ташкент, 1959, стр. 22.

¹⁵ Там же, стр. 23.

¹⁶ В. А. Богородицкий видел условие «для перехода в несингармоническое состояние» именно в том, «чтобы разорвалась ассимиляционная связь между суффиксами и корнем таким образом, чтобы за данным суффиксом утвердилась одна из его разновидностей» (см. его «Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками», Казань, 1953, стр. 101, примеч. 2; ср. также: М. А. Черкасский, Тюркский вокализм и сингармонизм, М., 1955, стр. 124).

¹⁷ Г. П. Мельников, Объемные геометрические модели в пространстве физических характеристик для анализа статических и динамических свойств фонологических систем, М., 1965, стр. 29. Предположение о первичной нейтральности *i* в отношении гармонии гласных см.: G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I — Lautlehre, Helsinki, 1957, стр. 183. Отмечая, что у Навои ничего не говорится о различии гласного *i* и заднего *y*-образного гласного, А. К. Боровков предполагал «отсутствие чередования здесь по линии палатальности и непалатальности» (А. К. Боровков, Алишер Навои как основоположник узбекского литературного языка, сб. «Алишер Навои», М. — Л., 1946, стр. 106).

«обладающий шипами» и *tikanlık* 373₂₃; *muḥaṣṣillik* БН 270₁₆ «сбор податей» и *muḥaṣṣillik* 271₆; *qara rāñlik* БН 364₁₈ «черного цвета», но *sābā rāñlik* 365₆ «салатного цвета», *sarīk rāñlik* БН 367₂₁₋₂₂ «желтого цвета» (ср. и *bāsh künlik* БН 261₁₈ «пятидневный»). Аналогичное явление свойственно узбекским говорам городского типа, что нашло отражение и в современном литературном языке. Кстати, вслед за Г. Хазаи, Г. П. Мельников развитие губной гармонии и закрепление огубленных аффиксов только после слогов с огубленными гласными связывает именно с развитием и стабилизацией противопоставления *i* — *ī*¹⁸.

Не только в плане «нарушения согласования по принципу губности» примечателен показатель прошедшего категорического времени, снабженный аффиксом 1-го лица мн. числа. В языке «Бабур-наме» из четырех приводимых А. М. Щербаком для староузбекского языка вариантов (*-dīk* ~ *-dik* ~ *-duk* ~ *-dūk*) фактически употребляются варианты с обязательными признаками не только узкости, но и губности — независимо от губного или негубного вокализма основы (ср. аналогичное явление в уйгурском языке¹⁹), причем в ауслауте аффикса чаще всего выступает заднеязычный *k*. Если же говорить еще точнее, то на 270 страниц второй половины «Бабур-наме» приходится всего около десятка случаев употребления велярного *-dūk*, причем весьма ограничен круг глаголов, к которым этот вариант присоединяется. Таких глаголов оказывается только пять, и указанная форма каждого из них (с велярным вариантом) обладает неодинаковой частотностью (хотя в тексте «Бабур-наме» эти глаголы примерно одинаково часто употребительны), см.: *mutawadḡḡiḡ bolduk* БН 232₁₀, 267₁₈₋₁₉ «мы направились», *atlanduk* БН 89₁₀, 263₂₂, 265₂₁, 330₂₂ «мы отправились», *barduk* БН 238₅ «мы шли», *ait(m)uk* БН 237₁₁ «мы сказали», *aita almaduk* БН 242₂₀ «мы не могли сказать» (ср. еще БН 240 I₁₄ *ayra almaduk* при БН 267₁₈ *ayrīb īibara bīlmaduk*); те же самые глаголы параллельно употребляются и с палатальным вариантом *-duk* (например: *mutawadḡḡiḡ bolduk* БН 271₂₂, 276₄, 302₁₄, 319₁₆, *atlanduk* 250₈, *barduk* 256₈, *alduk* 243₂₃), причем по частотности такие формы резко превосходят формы с велярным вариантом *-dūk*²⁰. Глаголы с графически ярко выраженным велярным консонантизмом и вокализмом, как, например, *kīl-* «делать», *chīk-* «выходить», *lga-* «совершать набег, нападение», *atku-la-* «постреливать», *tiḡ-* «вталкиваться», *kon-* «ночевать», *koy-* «класть», *uyku-la-* «спать», *oḡla-* «пускать стрелы» и др. ни разу не отмечены с велярным вариантом *-dūk* и встречаются только с *-duk*²¹, например: *kīlduk*

¹⁸ Г. П. Мельников, [рец. на кн.]: М. А. Черкасский, Тюркский вокализм и сингармонизм, ВЯ, 1966, 5, стр. 136. О взаимосвязи и механизме действия «палатального сингармонизма» и «привходящего губного сингармонизма» см.: В. А. Богородицкий, указ. соч., стр. 132, примеч. 1.

¹⁹ Ф. Г. Исхаков, Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков, ИСГТЯ, I, М., 1955, стр. 102. По мнению Х. Д. Даниярова, губные варианты этого аффикса принадлежали языку староузбекской литературы, негубные характеризовали кыпчакскую языковую стихию, окружавшую тюрков.

²⁰ Перечисленные основы, тем не менее, принадлежат к твердому ряду, что с очевидностью демонстрируется примерами типа *atlanḡan* БН 31₁₅, 89₁₆, 150₂, *bolḡay* БН 39₁₉, *bolḡanda* 39₁₇, *bolḡaḡ* 72₉, *bolḡusidur* 191₁, *barḡan* 72₉, *alḡali* 190₆ (ср., однако, *kīlmaḡan* БН 380₁₂).

²¹ Ср. свидетельство В. В. Решетова о том, что «в сингармонических говорах карлуко-чигиле-уйгурского наречия (узбекского языка. — Г. Б.)... выступает один ряд аффиксов, преимущественно передних...» (в сб. «Диалекты тюркских языков Советского Союза», в печати). Это же явление намечается и в говорах тюрков, где обычные формы типа *chḡdḡk*.

БН 244^{12, 13}, 247¹⁶, 269²⁰, 277²³, 278²⁰, 291¹⁵, 294¹⁴, *қилмадук* 313²⁰, *чиктук*
БН 246¹⁷, 248¹⁹, 256²⁰, *илмадук* БН 294²³, *атқуладук* 248²⁰, *тиктук* 109²².

Представляется возможным истолковать описанное явление как стремление к стандартизации одного варианта *-дук* (из постулируемых четырех) в силу его проявившейся индифферентности как к губной и палатально-велярной гармонии гласных, так и к сингармонизму в целом (в нашем материале, к сожалению, отсутствуют случаи, когда велярность или палатальность *-дук* могла бы стать ключом к смысловому различению всей словоформы; имеется в виду противопоставление вроде *олтурдук* «мы убили» — *олтурдук* «мы сидели» ²³).

Известное стремление к индифферентности в отношении гармонии гласных обнаруживают и некоторые другие аффиксы; любопытным образом это стремление проявляется в показателе дат.-напр. падежа. Несмотря на тот факт графики, что в ауслауте алиф пишется обычно в сочетании с кяфом, в то время как ха-и хавваз сочетается с кафом и гайном ²³, на нейтральное качество выступающего в составе вариантов дат.-напр. падежа аслаутного гласного *-а* могут указывать такие параллели: при обычном *аркка* БН 270¹ «в кремль» употребляется *аркқа* 255¹, при обычном *кимға* БН 261²² «кому» — *кимқа* 499²², при обычном *анға* БН 14¹, 109²², 208¹⁵ «ему» — *анға* БН 313¹⁹, 344¹⁶, 477¹⁶, при обычном *мәңға* БН 14⁷, 329¹⁵ «мне» — *манға* 319¹²; пример разночтения по рукописям: К 135, БН 29 *Самарқандға* — С 19 *Самарқандға*. Ср. также случаи, где вариант *-ға* присоединяется к основе с палатальным звуковым составом (*көңүлмеға* БН 463¹⁴ «моему сердцу») и, наоборот, вариант *-ға* отмечается в слове *йіл* «год» (*йүз ікі йүз йілға йақін* БН 421²² «приблизительно 100—200 лет»). См. также случаи безразличного употребления аффикса *-рақ/-рақ*: *қош раңрақ* БН 362¹⁵ «получше цветом», *бірәңрақ* БН 443⁹ «побесцветнее», а также параллельное употребление *көпрак* БН 278¹⁸ «побольше» и *кбп-рақ* БН 272⁸, 356⁴, *кічікрақ* БН 304¹⁰, 308¹⁷ «поменьше» и *кічікрақ* БН 308¹⁵ ²⁴.

Если при истолковании изложенных выше наблюдений принять во внимание высказанную еще К. Броккельманом мысль о существовании

²² В то же время в языке «Бабур-наме» можно наблюдать ряд случаев, когда явления сингармонизма используются для смысловых различий: *олтурған* «убивший» (*ата-сіні олтурғандін соң* БН 296¹⁰ «после того как убили его отца») и *олтурған* (*туздағи олтурған ағғанлар* БН 282²³—283¹ «равнинных, оседлых афганцев»), *илғарі* БН 244¹¹, 265¹⁰ «вперед, вперед» и *илғарі* БН 233¹² «его нападения», *эғач* БН 204⁹, 255²¹, 260²² и т. д. «старшая сестра» *иғача* «госпожа» (БН 209²³ *Папа ағача*, 209¹⁷ *Миңлі бэй ағача*, 214⁴ *Бәкі Султан ағача*, 281¹⁸ *Дилдар ағача*).

²³ На то, что ха-и хавваз может обозначать в «Бабур-наме» нейтральный гласный *-а* в ауслауте, указывает безразличное использование ха-и хавваз и алифа в ауслауте, например, слова *қатла* «раз» (ср. БН 53², 185¹¹, 255¹⁷, 484²³ — написание с ха и БН 253¹⁶, 256¹⁹, 449¹³ — с алифом) или *бәйға* (в БН 29¹⁰ оно пишется с ха, в БН 23 II⁹ — с алифом). Такое же нейтральное *-а*, регулярно обозначаемое ха, оказывается в глухом варианте показателя местного падежа *-та*; для звонкого варианта *-да* имеются разночтения по рукописям: с ха в БН 6 I² *кітабларда* и 20 II⁵ *қағазлықларда*, но те же словоформы с алифом в БН — соответственно 6²¹ и 25⁸; ср. еще Тур нс 104 стр. 2 *шәһәрда* с алифом в ауслауте и БН 2 *шәһәрта* — с ха. Нейтральность гласного, обозначающего в этих вариантах посредством ха, подчеркивается регулярным употреблением варианта *-та* (*-а* обозначен ха) при словах, фонетически принадлежащих к велярному ряду: *ирақта* БН 207¹⁸ «в Ираке», *учмақта* 359¹⁸ «в полете», *сауқта* 54¹⁵ «в холоде». На недифференцированное употребление «мягких вариантов» падежных показателей указывает также Алибек в своей статье «XV аср адабий тилининг вокализми» (ЎТАМ, 1962, 6, стр. 67).

²⁴ На «смешение» кафа и кяфа обращал внимание еще Махмуд Кашгарский (см. его «Девону луготит турк», I. Таржимон ва нашрга тайёрловчи С. М. Муталлибов, Ташкент, 1960, стр. 69).

нейтральных гласных в аффиксальных слогах²⁵, то можно прийти к выводам, которые противоречат традиционным принципам транскрибирования текста «Бабур-наме» как принадлежащего языку с последовательно действующей палатально-велярной гармонией гласных²⁶. На этом основании мы вводим в используемую нами транслитерацию дополнительный диакритический значок для обозначения нейтральности гласного непрерывных слогов — подстрочную точку (т. е. *a*, *y*; *i* обозначает нейтральный в отношении гармонии гласных звук).

Таким образом, в языке «Бабур-наме» представлены неразрывно связанными (а подчас — и воплощенными в одних и тех же вариантах аффиксов) тенденции, во-первых, к стандартизации аффиксов с вокализмом, нейтральным по отношению к палатально-велярной гармонии гласных, а, во-вторых, в ряде случаев — к стандартизации губных вариантов аффиксов с заднеязычным согласным в ауслауте, способных выступать как несингармонические (т. е. в соединении с основами, имеющими негубной вокализм).

Именно «слабое артикуляционное различие мягких и твердых разновидностей»²⁷ нейтрального *i*, как это предполагает Г. П. Мельников, может обуславливать йотацию его начальной позиции — оказавшись без поддержки и вне влияния соответствующего (и в какой-то мере определяющего) тембра согласного, этот нейтральный звук находит средство своего усиления в протезе *й*-²⁸. Уже сама по себе колебательность явления йотации

²⁵ Факты, подобные вышеизложенным, допускают и толкование в плане гипотезы о сравнительно позднем развитии гармонии гласных в тюркских языках и о вторичности ее по отношению к сингармонизму (см., например: М. Ряснен, Материалы по исторической фонетике тюркских языков, М., 1955, стр. 86 и сл.; ср. М. Моллова, К истории тюркского вокализма, ВЯ, 1966, 2).

²⁶ По мнению А. М. Щербака, четкое различие в «Мухаккамат ал-лугатайн» Навои «четырех вариантов произношения буквы „зав“, выделяемых по признаку твердого или мягкого ряда (*ot*, *yt/öt*, *it*) и по признаку широты или узости (*ot*, *öt/ut*, *it*)» «свидетельствует о том, что в языке Навои, по крайней мере в пределах губных, сохранялась общетюркская шкала вокализма, и гармония гласных не была утрачена» (указ. соч., стр. 67). Не следует, однако, забывать, что Навои имел в виду вокализм только первых, корневых слогов; общеизвестно к тому же, что те же гласные, что и в корне, могут встречаться в аффиксах в том только случае, если гармония гласных проводится достаточно последовательно (о возможности сохранения «системы гласных, развившихся в период существования сингармонизма», при исчезновении «не только губной гармонии, но и гармонии по признаку ряда», см.: Г. П. Мельников, О некоторых типах словоразграничительных сигналов в языках тюркских и банту, «Народы Азии и Африки», 1962, 6, стр. 134). О том, что именно в пределах губных гласных существование гармонии в описываемый период вызывает особенные сомнения, достаточно ясно может свидетельствовать самый факт нейтрального употребления вариантов аффиксов с обязательными признаками не только узости, но и губности и с почти обязательным признаком палатальности замыкающего заднеязычного согласного (последний признак многими исследователями принимается за мягкость аффиксального гласного, не зависящего от вокализма основы; мы истолковываем этот признак как нейтральность аффиксального гласного по твердости — мягкости).

Примечательно также, что нарушение гармонии гласных в историческом аспекте все более привлекает внимание лингвистов — с докладом на эту тему, основываясь, главным образом, на анализе языка произведений Навои, выступил недавно Ф. А. Абдуллаев (об этом см.: «Общественные науки в Узбекистане», 1966, 3, стр. 52).

²⁷ Г. П. Мельников, Математические формулы и блок-схемы электронных автоматов для описания и моделирования взаимодействия дифференциальных признаков фонем при сингармонизме (огласовка тюркских аффиксов). Ч. 1, М., 1961, стр. 28.

²⁸ Возможно, при этом не лишним будет учитывать также свидетельство Рамштедта, который, по словам М. Ряснен, писал, «что артикуляция *j*- в восточнотюркском языке настолько слаба, что графически ее можно обозначить, по усмотрению пишущего *j*- или даже *i*-» (М. Ряснен, указ. соч., стр. 165); указание на *j*, «колеблющийся между палатально-спирантным и полувокальным произношением», см. также: С. Brockelmann, указ. соч., стр. 46. Опускание этого *j*- К. Брокельман,

в этом случае (т. е. наличие анлаутного *й*- там, где, казалось бы, ожидать его не следовало, и отсутствие его в лексемах с исконным начальным *й*-) весьма показательна именно в указанном плане.

Протеза начального *й*- наблюдается в говорах тюрков Самаркандской области: У.-т. *ймас* «не суть» (лит. *мас*), в говоре Кара-тепа *йишиг* «осел», *йиштмасмъзга* «из-за того, что мы не слушаем», *ймас*, *йэкъ* «два» (наряду с *экъвйам* «также они оба»), *йэпа/эпа* «старшая сестра», *йэкэ/экэ* «старший брат»; это явление регулярно наблюдается в говорах тюрков Кашка-Дарьинской и Сурхан-Дарьинской областей²⁹, например, у барласов кишлака Лангар Чиракчийского района Кашка-Дарьинской области: *йэскъ* «старый», *йэчкъ* «коза», *йэл* «народ», *йэлмък* «пятьдесят», *йэниъ/эниъ* «сейчас», *йишткэн/эшткэн*. Ср. также М. *йъйна* «иголка» (ср. лит. *игна*, кыпч. *ъйна*).

Наряду с этим нередко случаи падения анлаутного *й*- — во всех этих говорах (кроме Г. II) отмечены *ълкъ* «табун», *ълкъчъ* «конеvod», У.-т. — *ъл* «год», *ъйна*, К.-т. — *ъл*, *ъръй* «далеко»; в говоре Кара-тепа — *ълъмълтъ* «свалился», *ълълъп*, *ълълъл* (иногда — *йълълъп*), *ърэгъ* «сердце» (лит. *юракъ*).

В языке «Бабур-наме» обычны слова с анлаутным *й*- перед узкими гласными: *йълкан* «парус», *ййлак/ййаг* «пеший», *ййлқіран* название кушанья (БН 316₁₇); регулярной, как и в староуйгурском языке, является форма слова *ййгач* «дерево» (БН 122₂₂, 162₆, 164_{3,4}, 165₄, 166₃, 193₁₄, 217₁₆, 250₁₉, 354₂₀, 356₁₂, 371₁₃, 427₁₈). Ср. также *йэсір* «шлепный» (БН 438₁₄/BN 339 I), *ййдам* «быстрый» (БН 119₂₂). Последние два примера — единичные при частных здесь *эсір* и *йдам*. Случай падения анлаутного *й*-: *агач* БН 369₁₈, *илқіларіга* БН 200₁₇ «к его табунам»³⁰, *ирақта* БН 39₁₉ «вдалеке», *ирақроқтин* БН 293₄ «издалече» (при обычном *йирақ* «далекий») эр БН 360₁₀ «место» (при обычном *йэр*), *ибардук* БН 333₁₈, 435₇ «мы послали» (при обычном *йибардук*), ср. еще *қарашул ірган ййгітлар* BN 25 II, при *қарашул йибарған ййгітлар* БН 32₂ «молодцы, посланные караулом» (ср. в связи с этим *йардук* К.-т. = лит. *юбордик*).

В связи с анлаутным *й*- и его протезой следует упомянуть о его сужающем воздействии на последующий широкий гласный³¹, что представлено регулярно встречающимися в языке «Бабур-наме» формами *ййгач* «дерево», *ййна* «еще, также», *ййлак* БН 113₃, 140₆, 185₂, 342₃ «пеший»,

опираясь на указание Махмуда Кашгарского, считал «особенностью диалекта гузгов и кыпчаков» (там же); Махмуд Кашгарский считал присутствие начального *й*- присущим речи средневековых тюрков. О том, что в староузбекском языке «оказываются предпочтительными йотированные формы», см. также: А. М. Щербак, указ. соч., стр. 231.

²⁹ На сходное явление в ташкентском диалекте узбекского языка вслед за Ст. Вурмом указывал М. Ряснен (указ. соч., стр. 164). См. то же в кыпчакских говорах Бирунийского района (Э. Ю. Уразов, Узбекские говоры Южной Каракалпакии. Автореф. канд. диссерт., Ташкент, 1966, стр. 7), а также в части кыпчакских говоров Самаркандской области.

³⁰ Ф. А. Абдуллаев отмечает варианты *илқи* — *йилқи*, *ипак* — *йипак* в произведениях Алишера Навои и указывает на случаи выпадения начального *й*- в памятниках тюркской письменности XIII—XV вв. (см. Ф. А. Абдуллаев, О генезисе джеканъ в тюркских языках, «Общественные науки в Узбекистане», 1961, 2, стр. 49).

³¹ А. М. Щербак предполагает «в небольших размерах палатализующее воздействие [й- — Г. Б.] на соседние звуки и на характер или тип вокализма в целом» (указ. соч., стр. 87). О том, что начальный *й*- способен вызывать род «расщепления» в последующем гласном, говорит М. Ряснен (указ. соч., стр. 53). К. Броккельмана, который готов был признать влияние анлаутного *й*- на последующий гласный, удерживала лишь непосредственность в осуществлении этого явления в формах одного и того же слова.

пешком». После анлаутного *й*- в слове *йибар*-регулярно используется узкий негубной *i*³²; в той же позиции в слове *йур*(*y/i*)-регулярно представлен узкий губной *y*; ср. однако узкий негубной *i* в его производном *джирутма* БН 199₁₂ «труднопроходимая тропинка».

В изучаемых говорах с указанным явлением может быть сопоставлено разогубляющее воздействие анлаутного *й*- на последующий губной гласный — *йэкътъб қэйамъз* (лит. *йўқотиб қўямиз*), *йардък* (К.-т.) (лит. *юбордик*), *йэврѣм* (Кара-тепа) (лит. *юбордим*).

В консонантизме современных говоров тюркков следует отметить возникновение *й* < *к* как в инлауте, так и в ауслауте — *эшъйнъ эч*, *кэттък*/ */кэттъй-да*, *къчъй*, *кучъй*, *кърпъй*, *этабэй*; в «Бабур-наме» отмечен единственный случай в имени собственном: *Миңли бэй ағача* БН 208₇, 209₁₇. Точно так же в ауслауте и инлауте говоры показывают возникновение *й* < *г* (*сыйър* «корова»), причем формы с *-й* и *-г* в ауслауте употребляются параллельно: *керэг/керэй*, *тълэг/тълэй*, *кэттэлъг/кэттэлъй* (К.-т.).

Возникновение инлаутных и ауслаутных *г* < *қ* и *г* < *к* в говорах тюркков (*йэамъ?* «нет ли?», *чъгъп* «выйдя», *йѳегэлган/йѳқэлган* «пропавший» У.-т.; *бъеда*, *мъннѳг*, *уннѳг/ъннѳг* К.-т.; *чъгъп*, *чъгэрп* — Кара-тепа; *чъгъп* Г. II) наряду с возможным параллельным употреблением ауслаутных форм на *-к* и *-г*, *қ*- и *-г* (*чъйнук/чъйнѳг* М.; *чъйчък/чъйчъг*, *қудук/қудуг* «колодец» при дат.-напр. падеже *қудукқә/қудуггә* У.-т.; в говоре кишлака Кара-тепа — *йѳқ* | *йѳг* «нет», *қуругълъқ/қуругълъг* «сухость», наряду с *сувук* «холодный», *бэйлък* «княжество», *пшишлъқ* «падишахство» широко распространены *къчъг* «маленький», *узуг* «кольцо», *ѳрег* «серп», *чъг* «выходи», *йашишлъг* «добро», *йамнлъг* «зло») имеет опору в языке классической литературы и, в частности представлено в «Бабур-наме».

Широко представлены в языке «Бабур-наме» колебания ауслаутных *-қ* ~ *-г*³³ в одном и том же слове, например: *ййақ* БН 113₃, 140₆, 185₂, 342₃ «пеший» наряду с *ййаг* 117₂₀, 338₅, 394₇, *йашуг* БН 425₈, 436₁₃ «близкий» на фоне обычного *йашук* (ср. *йашуг* в современных говорах тюркков), *ташук* БН 337₁ «курица», *ташугең* 362₁₂ и *ташук* 337₂, *ташукне* 363₁₆ (ср. в говорах тюркков — К.-т., У.-т. — *тавуг*); *қулақ* 339₁₉ «ухо» на фоне обычного *қулақ*; *баліг* 308₂₃, 365₂₃ «рыба», *баліелар* 366_{3,5,7} рядом с *баліқ*; *йанқаг* БН 369₉ «орех» и *йанқақ/йангақ* 370_{2,15}, *ошандаг* 134₁₁ «вот так» при *ошандақ* 130₃, 131₅. Особенно показательно в этом отношении прилагательное *улуқ/улуг* «большой, великий» — в Керовской рукописи явно преобладает написание *улуг*, хотя *улуқ* тоже представлен достаточным числом случаев (37 раз на протяжении второй половины БН); в Хайдарабадской рукописи (BN) предпочтение отдается форме *улуқ*³⁴.

³² О делабиализации узких губных гласных в ногайских диалектах, объясняемой отчасти ассимиляцией губных соседнему *й*, см.: Э. В. Севортян, Материалы к сравнительной фонетике турецкого, азербайджанского и узбекского литературных языков, ИСТЯ, I, стр. 27.

³³ Особенности арабской графики с одинаковым обозначением в ней *к* и *г* не позволяют выявить переход *к* > *г*, который, без сомнения, имел место в языке того времени.

³⁴ См.: С. В. Гроссман, указ. соч., стр. 41. Сопоставление указанных двух рукописей показывает расхождение на первых 50 страницах всего в трех случаях, ср. *улуқ* BN 3 I₅, 46 II₁₁ (в последнем случае над кафом написан гайн, что обозначает, по-видимому, частичное озвончение *к*), 47 II₁₁ и *улуг* БН 3₂₃, 57₁₈, 59₄; ср. также (с гайном над кафом) BN 31 I₃ *тақ*^е «гора» и *таг* БН 41₁₉; однако, напротив, *андиджанлік* БН 10₁₇ «андижанец» и *андиджанлік* БН 9 I₇ (характерны разночтения в отношении глухого и звонкого вариантов показателя дат.-напр. падежа после конечного звонкого или сонорного основы: в БН 47₅ *Самарқандқа*, 69₁₆ *Ходжандқа*, 439₂₁ *итмамқа* и соответственно в BN 38 I₁₁ *Самарқандға*, 56 I *Ходжандға*, 340 I₁₁ *итмамға*).

Переход $k > e$ в интервокальной позиции в именах в языке рубежа XV—XVI вв. общеизвестен; иногда он совершается в указанной позиции и в глаголах — например, *chiğildi* БН 301₁₄ «[мы] вышли», *chiğar* 359₄ «он выйдет» на фоне обычных *chiğildi*, *chiğar*; *tiğilib* 345₁₅ «теснившись» рядом с *tiğiliş* 345₁₆ «теснота».

Наблюдаемое в говорах современных тюрков спорадическое сохранение k , k в интервокальной позиции (при соединении $-k/-k$ -основ с аффиксами принадлежности: *kułkım* «мое ухо», *ışıkım* «мой ишак» — как в бухарских говорах) может быть сопоставлено с аналогичным явлением в языке «Бабур-наме»: *kişimiz azliktə bakişmay* БН 119₁₈ «не взирая на малочисленность наших людей»³⁵. При этом k вместо e мог выступать в интервокальной позиции внутри корневого слова: *ışık aqa* БН 109₁₃, 285₁₆, 394₁₅, 423₁₃ «дворецкий» (наряду с *ışık aqa* 251₁, 307₂ и регулярно употребляющимся *aqa* «старший брат»). В позиции между гласным основы и сонорным l или r следующего аффикса также мог сохраняться глухой k : *baqlan qaz* БН 190₂₋₃ «гусь-баклан», *ıybaqlar* БН 112₁₄, 189₁₂, 200₂₁ «стать пешим», *uluqluğidin* БН 244₉, *uluqlar* БН 249₃, 452₁ «великие», *uluqlarq* 243₂₀, 250₄, 253₁, 339₁₈³⁶.

В современных говорах тюрков при словоизменении указательного местоимения *bu* начальный b сохраняется: *bunğa*, *bundə*, *bunnən*, *bunnəy*, *bunağə*, *bunağənə* (К.-т., У.-т.), хотя на равных основаниях употребляются формы, где переход $b > m$ совершился (*munnə/mundə*, *munnən*, *munnə*). Такую же непоследовательность в отношении возможности перехода $b > m$ обнаруживает язык «Бабур-наме», где наряду с формами указательных местоимений *bundaq* БН 245₁₄, *bunča* 288₂, 436₅, *oşbunı* 264₁, *oşbunča* 310₅, 468₁₀ наблюдаются и более обычные здесь *mundaq* 247₃, *munğa* 31₅, *munda* 19₁, *oşmundaq* 298₈. Наряду с более употребительным *buldjar* «сборный пункт: полоса обеспечения» отмечена также форма *muldjar* БН 433₂, 435₂₀₋₂₁, 479₁₄₋₁₆, 482₁₃, 483_{1-19, 21}; наряду с более частым *çubürub* «идя по прямой линии» один раз зафиксирована форма *çümürub* БН 377₁₁. Как правило, предикативный показатель 1-го лица мн. числа, сохраняя генетическую связь с соответствующим местоимением, представлен в языке «Бабур-наме» как *-bız*, хотя изредка встречается здесь и как *-miz* (*qılurmiz* БН 259₁₈ «мы сделаем»). В современных говорах тюрков, наоборот, употребительной формой является вариант *-mız* и лишь в отдельных временных формах (главным образом, на *-ıyn/-ən*) отмечен вариант *-nız/-bız*: *qayıtmıznız/-bız* (М.) «мы возвращаемся», *kəlmıznız* (К.-т.) «мы приходим».

Из других явлений консонантизма, свойственных говорам тюрков, отметим спорадическое сохранение ауслаутного $-l$ в указательных местоимениях и местоимении 3-го лица ед. числа: *ul*, *bul*, *şul* (К.-т., У.-т., кишлак Кизил джар), *ənə şul*, *mənə şul* (К.-т.) — эти формы сближают говоры с языком «Бабур-наме».

На современных говорах тюрков не могло не сказаться близкое соседство джекающей языковой стихии. Однако воздействие окружающих джекающих говоров проявляется неодинаково в говорах тюрков разных

³⁵ Об этой характерной черте консонантизма так называемого «чагатайского» языка и современных североузбекских говоров см.: «Монгольский словарь Мукаддима ат-адаб», ч. I—II, М.—Л., 1938, стр. 411. Махмуд Кашгарский считал это явление присущим языку гуззов (указ. соч., I, стр. 67).

³⁶ Ср., однако, наличие звонкого g основы в той же позиции: *baqlan qaz* БН 190₂₋₁, *buşuqluğida* БН 15₁₁ «в его разрушенности», *ıyaruqluğı* БН 441_{1, 18, 23} «его освещенность», *uluqlarq* БН 219₇, 354₄, 362₁₉, *uluqluğı* БН 371₂₀ «его величие», *ıyaraqlıq* БН 38₁₂ «обтадающий оружием», *ıyaraqlanıb* БН 54₁, 86₉, 184₁ «вооружившись».

мест. Например, тюрки, проживающие в совхозе Галляарал II, I отделение, кыпчакизированы почти полностью. В других же говорах тюрков это воздействие сказалось в возникновении разрозненных фонетических и грамматических явлений, которые в своей совокупности ни в коей мере не составляют особой «системы в системе говора» и спорадическое употребление которых чаще всего носит факультативный характер. Таково употребление *дж* вместо *й* в начале немногочисленных слов, причем йекающие и джекающие формы одних и тех же слов употребляются параллельно: *жэйэв/йэйэв* «пешком» (У.-т.), *журавэрадъ*, но *йургэндъ*, *йурадъган* (К.-т.).

Влияние джекающей языковой стихии своими корнями уходит в отдаленное прошлое³⁷. Интересно напомнить здесь, что об элементах «джокчи» в литературном чагатайском языке писал еще А. Н. Самойлович, указывая, в частности, на явления джеканы в языке «Бабур-наме» — *джэр* «яр, обрыв»³⁸ (всего оно представлено здесь 14 словоформами). Перечень джекающих (или «чекающих») — их А. Н. Самойлович также привлекал к рассмотрению из-за одинаковости обозначения *дж* и *ч* в рукописях XV—XVI вв.) форм может быть значительно пополнен материалами «Бабур-наме». Назовем прежде всего встречающиеся здесь единожды *джирутма* БН 199₁₂ «не легко проходимая, узкая дорожка»; *джий*³⁹ *болдук* БН 200_{18, 19} «мы стали кочевыми»; *джигин тала* БН 167₈ — трава, о которой Бабур упоминает в описании округов Кабулистана (ЛБ I 449 приводит еще и кирг. *чигин* «род тонкого камыша»); *чўйўрмақ* «быть прямым, ходить по прямой линии»⁴⁰, «идти гуськом» см. (ЛБ I 491) зафиксировано трижды: *бу аралиқни тамам чўйўруб кэ́лдук* БН 250₁₃ «это пространство мы прошли гуськом», *бир тэр гиз ати́ми чўйўруб бармақ кэ́рак* БН 295₁₂ «[расстояние в] полет одной стрелы нужно пройти, идя по прямой»; см. также *чўйўруб* БН 377₁₁ (*йаги андин инчка чўйўруб аққодур* «масло вытекает оттуда тонкой прямой [струйкой]», где произошел переход *б/п* > *м*; приведем здесь же *чўйўндум* БН 120₁ «я окунался в воду (нырял)» (ср. ОСТН. III, стлб. 2050). Л. Будагов в качестве иллюстрации к «кирг». *джутур* — «заставить или дать вымыть» приводит форму *джутур-гайлар* из стихотворения Бабура (по Березину, 241 — ЛБ II, стр. 385).

Влиянием джекающего языкового окружения обусловлено использование в говорах современных тюрков имени действия на -(у)в при обыч-

³⁷ На тесные контакты с кочевыми (джекающими) узбеками в разных сферах общественной жизни и быта неоднократно указывал и Бабур в своих мемуарах; жены многих «чагатайских» князей были из именитых узбекских родов. Примечательно, что имя узбечки жены Султана Хусейна мирзы в «Бабур-наме» варьируется: оно дается то на узбекский лад — *Миңли бэй ағача* БН 208₇, 209₁₇, то в «чагатайском» его чтении — *Миңли бэк ағача* БН 211₂₂.

³⁸ А. Н. Самойлович, Элементы «джокчи» в литературном чагатайском языке, «Научная мысль», I, 4, Самарканд — Ташкент, стр. 13. Из других «джекающих» слов, названных Самойловичем, в «Бабур-наме» встречаются: монг. *джлаш* БН 132, 138₁₉, 293₁₁, 300₂₂ «шювдья» и его производные *джлашмуқ* БН 110₁₃, *джлашрға* БН 130₁₄, 258₂, 307₁₄, 327₂₃, *джлашси* БН 110₁₃, 402₂₂; перс. *джулду* БН 200₁₁, 340₁₀, 385₉, «награда»; *джэрга* «круп, ряд, ... облава, осада» [В. В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий (далее — ОСТН), IV, СПб., 1911, стлб. 75] — *джэрга сал* БН 123₁₇, 327₂₃ «устроить облаву», ср. *ул аралині чэргаладук* БН 472₄ «мы осадили тот остров»; а также монг. *джэба* «латы, броня, кираса»; монг. *джушангар* «левое крыло войск».

³⁹ Л. Будагов [см. его «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий», СПб., 1869 (далее — ЛБ), I, стр. 503] приводит башк. *чий* с тем же значением.

⁴⁰ Возможно, этот глагол сопоставим с приводимым А. Н. Самойловичем среди других элементов, диалекта «джокчи» именем *дэр/дэр* «правильный, верный, соответствующий» (указ. соч., стр. 12); ср. «*чөн=jön* „2) (Dsch.) прямой“» (ОСТН, III, стлб. 2047).

ных формах на $-(\text{ъ})ш, -м\dot{a}k$ (ср. *журув, айтувчъ*, но *йуръш-туръш, журм-к* — К.-т.); ср. еще в говорах кишлака Кизил джар: *йайлвлэгэн/йайлзглэгэн* «расположившийся на летних пастбищах». Имя действия на $-(y)w$ зафиксировано и в языке «Бабур-наме», однако лексический охват его ничтожен — в этой форме здесь используется только одно слово *йасаw* БН 109₁₇, 123₅, 130₁₄ «устройство, снаряжение; строй войска, отряд»; причем возможно параллельное употребление глагольных имен *йасаw* и *йасал*, ср. *йасаw йаса-* БН 86₉₋₁₀, 122₁₉ «приготовиться к бою, выстроиться» и *йасал йаса-* БН 109₈, 134₉ в том же значении. К кругу «форм, характерных для кыпчакских языков» (А. М. Щербак), принадлежит также собирательное числительное на $-aw, -awлан$, используемое наряду с более употребительной в языке «Бабур-наме» формой на $-ала$: *икаw* БН 11₈, 319₂ «второе» (ср. разночтения по рукописям: Тур нс 104 17 II *бу икаw* — БН 14 *бу ик*), *бiраw* БН 30₈ «некто», *учиwлан* 319₁₅ «второе»; ср. *учиwвъ* «они второе» в говоре джизакских тюрков (К.), *ъкэвлэн* «второе», *элтэвлэн* «вшестером» в говоре ургутских тюрков (Кара-тепа). В слове *бузагу* «теленка» (БН 285₅, -) в языке «Бабур-наме» выпадения $э$ между гласными на кыпчакский лад не происходит. Из современных говоров тюрков форма *бузэг/бузэ* со звонким увулярным $-э$ в ауслауте представлена у тюрков К.-т., с глухим ауслаутным $-к/-к$ — *бузэк|бозэк* — у барласов; во всех остальных говорах — *бузэ|бузэ*. Точно так же в слове *ййак* ~ *ййаэ* «пеший, пешком» в языке «Бабур-наме» сохраняется конечный увулярный $-к$ ~ $-э$ (ср., однако, *йайаб* БН 110₁₈), в то время как в говорах тюрков в этом слове представлено $-в$ ($< -к \sim -э$): *ййав*.

В итоге можно сказать, что несмотря на тесное контактирование с джекающим языковым окружением говоры тюрков Самаркандской области, если не считать факультативных и разрозненных кыпчакских форм, сохранили почти в неприкосновенности свою природу йекающих диалектных единиц среднеузбекского диалекта (исключение — говор Г. II).

В говорах тюрков не отмечены огузские языковые черты (если не считать показателя дат.-напр. падежа $-а$, использование которого, однако, как правило, обусловлено определенными фонетическими условиями: переход $э > й$ в интервокальном положении — *туръшъйэ < туръшъ + + -ээ*; стремление избежать геминацию — *журмэкэ < йурмэккэ, этэңэ < этэң + -ээ*); таким образом, отпадает самый вопрос об отношении изучаемого говора к огузской группе тюркских языков.

Переходя к анализу грамматических особенностей современных говоров тюрков, отметим использование показателя вин. падежа $-н$ после основ, снабженных аффиксом принадлежности 3-го лица (*кэламъ учън чъкэрдънъ?* К.-т.), — точно так же, как и в языке «Бабур-наме». В изучаемых говорах обычным является функционирование вин. падежа взамен род. падежа [*кэламъ учъ* (К.-т.), *этэмнъ кътобъ*], что свойственно всем городским говорам. Как и в говорах самаркандско-бухарской подгруппы, а отчасти и в джизакском, в изучаемых говорах представлена синтаксическая заменяемость местн. падежа дат.-направительным: *сыйърнъ бозэргэ сэттъ; ьлгаръ Нъкэлэй вэкътэга Туркъстэн крйъ деръдъ, эндъ Совет жукуматъ вэкътэга Ўзбекъстэн дейдъ* (К.-т.), *кэлхзэга ьшлэйдъ* (У.-т.); [*тйрклар*] *Вбсметга бэр, Чънэргэ бэр* (Кара-тепа) («[тюрки] есть в Усмате, есть в Чинаре»). Обе эти особенности функционирования указанных падежей нашли свое отражение и в языке «Бабур-наме».

Как и в языке «Бабур-наме», в современных говорах тюрков наряду с плеонастическими формами выражения принадлежности 3-го лица ед. числа (*сыйнъсъ* — У.-т., *бъръсъ, учъсъ* — К.-т.) наблюдается отсутствие аффикса принадлежности в определяемом при оформлении определения род.-вин. падежом не только в случаях типа *бъзнъ кэлхзэ*, но и в причаст-

ных оборотах (*келъннъ келгәндә кӧр, сепънъ йэйгәндә кӧр* «смотри тогда, когда невеста приходит; смотри тогда, когда приданое развертывают» — К.-т.); ср. также *сѣз келгән кун тойдъ бәшләймъз* (У.-т.) «мы начнем пир в день, когда вы придете» и *әрпә ун* (Г. II) «ячменная мука».

Из глагольных форм в говорах тюрок отметим параллельное употребление формы повелительного наклонения 2-го лица ед. числа на -гън, -гъл (из них последний для современного узбекского языка является устаревшим) — *келгън/келгъл*, как и в языке «Бабур-наме». Встречающиеся в говорах тюрок формы типа *кәлтърайдъ, тәшъйдъ* (К.-т.), *бәръйдъ* (Г. II); в говоре тюрок Кара-тепа: *бәръйдъ, кәтъйдъ, кәлъйдъ* (ср. форму настоящего времени *кәтәйла, кәләйла*), *әйтәйдъңъз* — при существовании в говорах полной парадигмы прошедшего длительного типа *йәшардъм, волардъм* (К.-т.) могут быть истолкованы как генетически связанные с прошедшим незавершенным на -а(й) *дур әди*, зафиксированным в языке классической литературы и в частности — в «Бабур-наме». Недостаточная грамматикализация аналитических модальных конструкций (*кәлдәтмәкән, оқурмәкән* — У.-т., *бәзмәкән* — К.-т.) в изучаемых говорах, как и в языке «Бабур-наме», выражается в том, что между временной основой и показателем модальности вклинивается вопросительная частица *мъ*. Не находит себе параллели в языке «Бабур-наме» наблюденная в говорах тюрок форма наст. времени на -әп, по наличию которой эти говоры сближаются с самаркандско-бухарскими, каршинским и шахрисябским.

В говоре Усмат-тюрок отмечено своеобразное употребление числительных: *бър әкшәтә бәлләр келдъ* «несколько (буквально: один [по] две-три штуки) парней пришли»; в параллель этому приведем подобное явление из «Бабур-наме»: Хосрав-шах подарил Бабуру *бір тоқуз ат* «одну девятку коней» и *бір тоқуз пәрчә* «одну девятку тканей» (БН 99₂₀).

В говорах тюрок спорадически употребляется вопросительное местоимение *не* (ср. также в ташкентском и джизакском): *невләмән* (К.-т.) «что я поделаю», *не деймән* «что я скажу», ср. также в говоре кишлака Кизил джар *нә гунаҳъ бәръдъ* «что за грех его имелся» — наряду с обычным *нәмә*. Те же самые местоимения зафиксированы в языке «Бабур-наме», где *нә* выражало собственно вопросительное значение (*нә қилсун* БН 210₁₉ «что ему делать?», *нә'азимат билә атланғайбіз* БН 257₁₁ «в каком направлении мы отправимся?»), *нимә* же чаще выступало в функции неопределенного местоимения (*азрақча нимә битидім* БН 315₁₇ «я писал немного кое-чего», *чуғурчуқдин бір нимә улуграқ* БН 361₃₋₄ «несколько больше скворца»). В говорах, как в языке классической поэзии, используется послелог *чун* (*сән чун* «для тебя» У.-т., *шунъйчун* «ради этого» К.-т.).

Как и в языке классической поэзии, в современных говорах тюрок может использоваться в самостоятельном, не в служебном значении глагол *эт-*, который при этом сливается с указательным местоимением: *буйтуйн* «этаким образом (делая)», *уйтуйн* «таким образом», *шуйтуйн* «вот таким образом», *қәйтъв* «каким образом» (У.-т.) — явление, которое сохранилось, видимо, также и при поддержке джекающего языкового окружения.

В лексике говоров тюрок может быть отмечен ряд специфических слов, остающихся за пределами современного узбекского литературного языка, но употреблявшихся в языке литературы рубежа XV—XVI вв. и, в частности, зафиксированные в «Бабур-наме». Таковы в говорах слова: *йәвуз* «близкий» (ср. весьма частое в языке «Бабур-наме» *йашуқ/йашуғ* БН 199₇, 234₁₁, 445₁₃ в том же значении), *бӯрк* «головной убор» (ср. БН 8₁₈ *моголи бӯрк кийар әди* «он надевал могольский бурк», см. еще БН 204₁₀), *йәйәв* «пешком» (ср. БН 113₃₋₄, 117₂₀ *ййәқ йур-/кәл-* «(при)ходить пешком»). Употребительное в языке «Бабур-наме» *йумуртқа* «яйцо» (БН 190₆,

371^{20, 21}, 372^{13, 14}) отмечено в говорах тюрков Кашка-Дарьинской (Тарагай, Лангар, Аякчи) и Сухан-Дарьинской областей (Денау, Сари Ассия — кишлак Илансай), где оно бытует параллельно с *тухум* (или *моая*); в говорах самаркандских тюрков (У.-т. и Кара-тепа) *йумуртқа* встречается только в отдельных фразеологизмах (*энасьнь йумуртқасъдан чъққанам манга ёргатадъ* «и тот меня учит, кто [только что] вышел из яйца матери»).

Сопоставление современных говоров тюрков и языка «Бабур-наме» показывает известную диалектную близость говоров тюрков к той языковой единице, на которую был ориентирован язык этого произведения, как в ключевых явлениях грамматической системы (их общность, как известно, характерна для среднеузбекского диалекта в целом), так и в некоторых важных фонетических чертах, не говоря уже о многих частных деталях всех уровней языка. Однако наложение изучаемых говоров на язык «Бабур-наме» (resp. на так называемую «опорную» для него языковую единицу) не дает, разумеется, полного совпадения, если даже и делать скидку на специфику исторического развития современных говоров тюрков в окружении кыпчакской языковой стихии.

При выяснении исторических отношений современных говоров тюрков к тому средневековому живому андижанскому говору, на который был ориентирован язык «Бабур-наме», представляется необходимым учитывать следующее. Современные турки Узбекистана, которые на памяти живущих поколений вели полукочевой образ жизни, как правило, до сих пор основным своим занятием имеют скотоводство, причем давние традиции этого занятия подтверждаются тем значительным удельным весом, который скотоводческая лексика имеет в словаре говоров (словарь их избобилует дифференцирующими наименованиями для всех домашних животных по полу, возрасту и другим признакам). На рубеже XV—XVI вв. наряду с оседлыми тюрками — жителями городов в пределах Мавераннахра обитали их кочевые и полукочевые сородичи, занимавшиеся скотоводством⁴¹; можно предположить, что кочевые турки Мавераннахра имели в своих говорах некоторые отличия от андижанского «тюркй». Таким образом, можно думать, что андижанское «тюркй» в тот период было не единственным говором на территории Мавераннахар, а существовало несколько близкородственных говоров тюрков. Допустимо также предположить, что когда Бабур говорил о соответствии средневекового живого андижанского «тюркй» и языка литературы своего времени, он имел в виду не полное их совпадение, а прежде всего ориентированность языка литературы на произносительные нормы этого говора⁴² (не считая, разумеется, общих ключевых явлений грамматической системы). Наблюдения над языком «Бабур-наме» (данные современных говоров тюрков в известной мере подкрепляют эти наблюдения) позволяют пересмотреть традиционную транскрипцию этого произведения как написанного на языке с последовательно выдержанной палатально-велярной гармонией гласных, т. е. поставить под вопрос принадлежность средневекового живого андижанского «тюркй» к строго последовательному «сингармоническому» типу⁴³.

⁴¹ В этой связи можно сослаться на свидетельства Бабура о том, что турки занимались коневодством и овцеводством (БН 118¹⁵), что турки (вероятно, часть их) в Самарканде и Хорасане были кочевниками (БН 173⁸⁻⁹); ср. также: А. Н., С а м о й л о в и ч, К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка, сб. «Мир Али-Шира», Л., 1928, стр. 1. Естественно предположить, что при вторжении узбеков Шейбани-хана именно кочевые турки могли легче оседлых подняться со своих кочевий и откочевать в гористые местности на юго-западе современных территорий Узбекистана и Таджикистана (именно эта их часть сохранила свое старое наименование «тюрк» в благоприятствовавших этому условиях жизни в горных местностях).

⁴² Ср. также: А. К. Б о р о в к о в, Алишер Навои..., стр. 98—99.

⁴³ Авторы приносят свою благодарность В. М. Жирмунскому, А. Н. Кононову, А. М. Шербак, Э. Р. Тенишеву, Г. П. Мельникову, В. К. Журавлеву, прочитавшим работу в рукописи и сделавшим ценные критические замечания.